

УДК 821. 161. 1'36

Летова А. М.

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИТОНИМА 'ДЕРЕВО' В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

A. Letova

Moscow State Regional University

THE FEATURES OF THE PHYTONYM 'TREE' IN RUSSIAN FAIRY TALES

Аннотация. В статье раскрываются особенности функционирования фитонима 'дерево' в контексте русских волшебных сказок с точки зрения мифологического, фольклорного и лингвистического аспектов. Обращение к фольклорным текстам необходимо с целью выявления аккумулирующих свойств фитонима 'дерево' посредством исследования его коннотативного содержания. Функционирование древнейшего символа 'дерево' в текстах волшебных сказок позволяет обозначить ассоциативно-образный ореол, обусловленный системой фольклорного мира и его языка. Основной подход, который используется в данном исследовании, – антропоцентрический, направленный на определение роли человека в растительном мире.

Ключевые слова: фольклорное слово, фитоним, миф, символ, номинация, коннотация, семема.

Abstract. The article deals with the features of the phytonym 'tree' in the context of Russian fairy tales in terms of mythological, folkloric and linguistic aspects. The purpose of this research is to illustrate that the phytonym 'tree' has a special connotative meaning in folkloric texts. The ancient symbol of the 'tree' in fairy tales has the folkloric figurative associations. The basic approach of this research is anthropocentric, aimed at defining the role of man in flora.

Keywords: folkloric word, phytonym, myth, symbol, nomination, connotation, sememe.

Волшебная сказка – это отражение способа мифологического мышления, направленного на постижение мира путём символики, фантазирования, как естественной деятельности человеческого разума. По мнению Е.Н. Трубецкого, «волшебная сказка даёт ясный образ создавшего её народа», позволяет увидеть красоту в самом обыденном, выяснить скрытую силу слов [17]. Особая роль в волшебных сказках отводится растительному миру, с которым связаны основные символические приёмы: превращение, персонификация (наделение живых существ свойствами и чертами природного мира), сакрализация образа (отнесение свойств предмета к обрядовой, ритуальной, сверхъестественной сфере). Наименования растений с диахронических позиций позволяют представить фрагмент фольклорной языковой картины мира, познать народное мировоззрение, мышление, древнейшие мифологические представления человека о природных реалиях. Таким образом, основной подход, который используется в данном исследовании, – антропоцентрический, обращённый к внеязыковым факторам, т. е. «к человеку как носителю языковой способности» [10, с. 11]. Идея антропоцентрического подхода сформулирована Ю.Н. Карауловым: «...Нельзя постичь сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку» [10, с. 89].

© Летова А.М., 2011.

В текстах волшебных сказок из собрания А.Н. Афанасьева мы с общекультурных и антропоцентрических позиций анализируем слово *дерево*, выделяя при этом три аспекта исследования: мифологический (исследование мифологемы 'дерево'), фольклорный (анализ особенностей функционирования слова в контексте волшебной сказки), лингвистический (изучение проблем номинации, этимологии, семантической реконструкции лексемы). Выбор фитонима 'дерево' обусловлен тем, что данная лексема наиболее частотна в фольклорных текстах, является универсальным древнейшим символом, заключающим в себе большое количество толкований, что, в свою очередь, открывает широкие возможности для его анализа и интерпретации.

В нашей работе обращение к мифологическим аспектам исследования необходимо с целью выявления многозначности мифологемы 'дерево', её символики, нашедшей своё отражение в контексте волшебной сказки. Анализ «символической компоненты» позволяет раскрыть аккумулярующие свойства, а также коннотативное содержание, которое стоит «за каждым тщательно отобранным в многовековом использовании фольклорным словом» [18, с. 49]. Следует отметить, что стремление возвести сказку к мифу как к «первоэлементу, из которого создаются <...> произведения» [18, с. 9], является одним из основных методов исследования в фольклористике. Особое внимание данному вопросу уделяется в трудах таких исследователей, как В.Я. Пропп («Морфология сказки»), Е.Н.Трубецкой («Иное царство» и его искатели в русской народной сказке»), Е.М. Мелетинский («Миф и сказка») и др. По широкоизвестному мнению В.Я. Проппа, с точки зрения «исторической <...> волшебная сказка в своих морфологических основах представляет собой *миф*» [9, с. 101]. Незнание данной проблемы фольклорист объяснял тем, что «подробное сравнительное изучение – дело будущего» [9, с. 110].

Так, в общекультурной традиции В.Н. Топоров выделяет следующие символичес-

кие мифологемы: «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра», «дерево восхождения», «дерево нисхождения», «дерево познания» и др. [7, с. 397]. Дерево как мифопоэтическая проекция вселенной – «один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временной образы», что соотносится с понятием Мировое Дерево [11, с. 60]. По мнению Т.А. Агапкиной, как образ пространства и времени дерево одновременно соединено с тремя мирами: верхним (небо, Бог и святые, небесные тела), средним (человек) и нижним (хтонические существа, предки, отчасти демоны) [11, с. 60].

Подобное представление о дереве как центральной оси, на которую нанизываются элементы мира, нашло своё символическое отражение в текстах волшебных сказок. Известен сюжет о героях, которые забираются на небо по дереву и видят там разные чудеса: «*Какое житьё-то на небе! Там есть жерновцы, как повернуться – пирог да шаньга, наверх каши горшок*» [1, т. 1, с. 29]; «*Ездил, ездил, приехал я в лес и увидал тут высокий дуб; начал по нём лезть и залез на небо. Вот увидал я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с телёнком*» [1, т. 3, с. 219]. В данных контекстах образ дерева интерпретируется не только как воплощение пространства, но и как символ познания, связанный с мотивом 'странствования героя', цель которого – проникнуть в запретные сферы бытия. Дерево символизирует путь как поиск, познание, обретение, возвращение. Так, в данном контексте реализуются следующие функции дерева: грань между реальным и ирреальным мирами, странствование, путь, познание.

Связь дерева с 'верхним миром' обусловлена понятием 'сакрализация', под которым подразумевается процесс, «когда обычное явление мира приобретает черты универ-

сального Абсолюта, заряжающегося энергией для сотворения нового мира» [6, с. 41]. Восприятие дерева как центра мироздания отразилось в символическом обряде, связанном с выбором места для строительства церквей, часовен. По своим истокам данный ритуал был языческим: «Срубленное в лесу строевое дерево отпускали на волю волн либо на произвол молодого неезженного жеребца. Куда попадало таким образом первое бревно, там и строили храм или хоромы. По мере усиления христианизации дерево сочетается с иконой, а нередко и вытесняется ею» [5, с. 7]. Дохристианский обычай ставить храмы вблизи культовых деревьев или на их месте отражен в фольклорных текстах: «На горе высокой выросла верба золотая... посередине золотой вербы списаны Спаса Пречистая Божья Матерь Богородица» (КИ 2: 136, пинеж.) [11, с. 61]. В волшебных сказках связь культового дерева с 'верхним миром' олицетворяют птицы: «У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птицы водится...» [1, т. 3, с. 226]. Сакрализация образа 'дерево', «корни которого упираются в землю, а ветви устремлены в небо» [6, с. 92], является отражением целостного восприятия мира, универсальной формой выражения единства мироздания.

Связь дерева с 'нижним', подземным, миром отражена в народной демонологии, хтонической сфере. Так, в волшебных сказках под деревом находили своё пристанище мифологические персонажи (русалка, чёбырт, леший): «...а под деревом место кругом было утопано, оттого что сюда собиралась нечистая сила» [1, т. 1, с. 203]; «...а медведь сел под дерево, стал выкидывать желудями и ворожить, как бабы на бобах гадают» [1, т. 1, с. 69]; «Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы» [1, т. 1, с. 193]; «...слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на таковище» [1, т. 1, с. 193]. Тема «дерево и народная демонология» охватывает комплекс сказок, в сюжете которых особую роль выполняет мотив превращения демона, чёрта в дерево.

Важнейшим аспектом в мифологии и фольклоре является соотнесенность дерева с человеком, его деятельностью, бытом, судьбой, душой. Тексты волшебных сказок, отражающие представления славян об окружающем мире, свидетельствуют о том, что дерево является пристанищем души человека. С этим поверьем связан символический приём волшебной сказки – превращение, выполняющее роль наказания и испытания героя: «Вот я, – говорит меньшая (жена), – <...> сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет – тот сейчас лопнет» [1, т. 1, с. 283]; «Вот солдат ходил, ходил по разным комнатам; сделалось ему скучно, и вздумал он пойти в сад; вышел, смотрит – стоит береза. И говорит ему человеческим голосом: «Я – царская дочь; похитил меня нечистый и сделал березою» [1, т. 2, с. 357]. Мотив превращения в фольклорных текстах, как правило, связан с такими гипонимами, как яблоня, берёза, рябина, составляющими парадигматику «дерево – символ девичества, женственности». Согласно народным представлениям, указанные фитонимы относятся к «женским» деревьям [16, с. 333].

Связь мира человека и природы в контексте волшебных сказок нашла своё отражение в важном символическом приёме – персонализация растений (наделение живых существ свойствами и чертами природного мира). Примечательно, что имена богатырей-великанов в русских сказках связаны с растительной сферой: Сосна-богатырь, Дубыня-богатырь, Дубыня, Дубынич, Дубынюшка, Вертодуб, Вернидуб, Великодуб, Дугиня-богатырь («хоть какое дерево, так в дугу согнёт!») [1, т. 1, с. 308]. Название героя Дубыня связано со словом 'дуб' в силу эмоционально-образного осмысления растительной реалии, символа мощи, силы, твердости. В сюжетах сказок герой выступает как волшебный помощник: «Ветродуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошёл столетние дубы выворачивать» [1, т. 1, с. 137].

По мнению Н.И. Толстого, деревья в сознании славян имманентны, представляют

собой живые существа, подобные «существам человеческим» [16, с. 333]. Так, наделённые человеческими качествами (способностью говорить, советовать, думать) деревья в волшебных сказках функционируют как добрые помощники, встречающиеся на пути героя: *Говорит <...> дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю». – «Ну, сделай, чтобы я богат был»* [1, т. 1, с. 109]; *«Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами»* [1, т. 1, с. 110]; *«Слушай же – ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно...»* [1, т. 1, с. 315]; *«Диво дивное на свете деется: в лесу старый дуб все мне, что было, сказал и что будет – угадал!»* [1, т. 3, с. 261]. Согласно поверьям славян, дерево способно ощущать боль, подобное представление объясняет древнерусское название апреля месяца «березозол», которое означало «зол для берез» (т. к. в эту пору заготавливали сладкий берёзовый сок, тем самым наносили берёзам глубокие раны) [2, с. 207].

В то же время в волшебных сказках особую роль играют так называемые «опасные духи деревьев» [6, с. 110], которые наделены отрицательными качествами, служат преградой на пути героя, а также предвещают гибель, опасность: *«Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга»* [1, т. 1, с. 162]. Таким образом, функционирование в сказках добрых помощников, «древесных духов», олицетворяет символику дуализма добра и зла. В мифологии славян к «счастливым деревьям» относятся берёза, верба, липа, рябина, к «несчастливым» – осина, бузина [11, с. 60].

Фольклорная и мифологическая константа «отождествления человека и дерева» актуализировалась в мифологеме «дерево жизни», «дерево рода», которую символично можно представить в виде троичного единства: предки – современники – потомки. По наблюдениям В.Н. Топорова, «у каж-

дого рода было своё особое дерево, в ветвях которого плодились души людей, спускаясь потом в виде птичек на землю...» [7, с. 400]. По интересным сведениям Т.А. Агапкиной, возникновение символических осмыслений, связанных с понятиями 'родство', 'семья', обусловлено обрядом: «При рождении ребёнка для него сажают дерево, веря, что ребёнок будет расти так же, как развивается дерево» [12, с. 161]. Подобная антропоморфность дерева (как воплощение истории древнейшего рода) символически отражена в фольклорных текстах: ветки дерева олицетворяют детей, корень – отца («У отца их двое было: старший сын – Михаил, младший – Иван. Две ветки на одном дереве, а обе разные. Михаил – чёрный, кряжистый, глаза, как угли горят... А Иван тихий был, смирный, никого-то он не обидит...») [8, с. 125]. Связь человека и растительного мира отражена в следующих метафорических сочетаниях, которые функционируют в современном русском языке: «генеалогическое, родословное дерево – родословная таблица, изображаемая в виде такого растения, в основании которого представлены предки, а на разветвлении ствола – потомки» [3, с. 20-21].

Мифологический аспект исследования слова 'дерево' позволяет сделать вывод, что данная мифологема выражает целый комплекс идей: центр мира, мотив Мирового древа, связь земли и неба, познание, мудрость, символ рода, путь, граница реального и ирреального мира, дуализм добра и зла. В традиции волшебной сказки символика дерева определяет следующие функции данного фитонима в фольклорной языковой картине мира: граница волшебного мира, волшебный помощник, препятствие, связь с хтонической сферой, мотив превращения, персонафикация.

Лингвистический уровень анализа фитонима предполагает обращение к дефиниционному исследованию, а также к этимологии лексем с целью выявления актуализированных мотивов, направленных на формирование и развитие оттенков лексических значе-

ний в определенном контексте. По данным этимологических словарей, название 'дерево' образовано посредством глагола 'драть': о.-с. *dervo, с и.-е. базой I *der-u- : II *dr-eu в значении – «драть», «ободранное (от коры)» [21, Вып. 4, с. 211-212]. По мнению Н.М. Шанского, первоначальное значение слова – «выдранное или ободранное» [20, с. 70]. Следует отметить, что в текстах сказок используется лейтмотивный сюжет с выраженным гиперболическим характером, 'выкорчёвывания деревьев', который своими истоками восходит к древнему занятию славян – выдирать древесные растения с целью расчистить место для посевов или строительства: *«Медведь пошёл по лесу, только лес трежит; перевалил пропасть дерев, наконец выбрал самое большое, толстое дерево и принёс лисе»* [1, т. 1, с. 13]; *«Ведьма наострила зубы, стала работать; что ни хватит, то дерево с корнем вон!»* [1, т. 1, с. 189]. Таким образом, этимон 'выдирать' ('драть'), положенный в основу номинативной единицы, сближает слова *дерево* и *деревня* в семантическом и этимологическом аспектах. Так, о.-с. *dervъna использовалось в значениях: «участок земли, очищенный от зарослей (вытребленный) под пашню», «земля, годная под пашню», «пашня». Отсюда, согласно исследованиям П.Я. Черных, можно выстроить семантическую реконструкцию: «деревня» – «пашня» > «нива» > «жилище при пашне» > «населенный пункт» [19, с. 242-243].

При сравнении денотативной семемы (Д1) [15, с. 33] лексемы 'дерево' – «многолетнее растение с твёрдым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону» [3, с. 20-21] – и Д1 лексемы 'дуб' – «долголетнее лиственное дерево, приносящее жёлуди и обладающее крепкой древесиной» [21, вып. 5, с. 95-97] – можно выделить следующие интегральные семы [15, с. 51]: 'растение', 'многолетний (долголетний)', 'твёрдый (крепкий)'. В древнерусском языке (с XI в.) «дерево вообще», «отдельно срубленное дерево» обозначалось словом 'дуб' [14, с. 738-741] и дериватом 'дубина' [19, с. 272]. С течением

времени в результате сужения семантического объема 'дуб' стал наименованием «родового названия дерева» [4, с. 48]. Архисема 'дерево' актуализировалась в таких дериватах слова *дуб*, как: *дубрава* («лиственный лес, роща из деревьев одной породы») [21, вып. 5, с. 93], *дубина* («толстая палка, бревно» [13, с. 369].

Денотативная вторая семема слова 'дерево' – «лесоматериалы, идущие на изделие, постройки, древесина» [3, с. 20-21] – возникла на основе Д1 в результате метонимического переноса по схеме 'предмет – материал, изделие из него': *дерево* – «древесина как материал», «изделие из дерева, деревянная часть какого-л. изделия, тара», «бревно», «шест», «палка», «мачта» [13, с. 221]. На основе архисемы 'материал' получили своё развитие следующие дериваты: *деревянный* («сделанный, построенный из дерева; относящийся к постройкам из дерева»), *древесный* (отмечено в словарях с 1704 г.), *древесина* (с 1841 г.) [22, с. 218]. Архисема 'материал, изделие из дерева' актуализировалась в слове *дрова* («поленья для топки» [22, с. 246], «распиленные и расколотые на поленья деревья, употребляемые как топливо» [21, вып. 5, с. 141]. Слово 'дрова' общеславянского происхождения *drъvo, имеет со словом 'дерево' общую и.-е. базу: *dru(u)-, dr-eu- [21, вып. 5, с. 141], что позволяет реконструировать этимологически родственную параллель: *дерево* – *дрова*, *дровни*, *дровяной*, *дровосек*, *дроворуб* и др.

Архисемы 'многолетний', 'крепкий', положенные в основу денотативных значений слов 'дерево', 'древний', 'здоровый', позволяют исследовать семантическую реконструкцию данных лексем, а также выяснить семантическое своеобразие этимологически родственных корней. Денотативные семемы слова 'древний' (др.-русс. 'древле'): 'весьма давний', 'относящийся к далекому прошлому' [19, с. 267-268], 'старый, старинный' [22, вып. 5, с. 107]. 'Древний' восходит к и.-е. корню *dreu-, в результате чего составляет со словом 'дерево' одну семантическую группу (корневое гнездо данных лексем: и.-е. *deru-:

*dr(e)u-: *dreu-). По мнению П.Я. Черных, первичное значение о.-с. *drevънь – «крепкий (как дерево, как дуб)» > «сильный» > «превосходящий (других)» > «предшествующий (другим)», отсюда «прежний», «давний» [19, с. 267-268].

Денотативные семы слова 'здоровый' – 'нормально, правильно функционирующий', 'не больной', 'крепкий', 'прочный' [19, с. 321]. Общеславянское слово *sъdorvъ (о.-с. корень *dorv-, приставка *съ) восходит к и.-е. базе *deru- (*doru-), что и слово 'дерево'. Таким образом, можно предположить, что первичное значение лексемы 'здоровый' – «крепкий, как дерево (как дуб)» [19, с. 321].

Коннотативная семема слова 'дерево' (К1) – «прост., бранно. о тупом, бесчувственном человеке (обычно в функции сказ.)» [3, с. 20-21] – получила своё развитие в результате метафорического осмысления Д2, обусловлена определённым контекстом, передает эмоции человека, его отрицательную оценку. К1 содержат этимологически родственные слова: 'дуб', 'дубина', 'дубовый' и т. д.

Исследование денотативных (Д1, Д2) и коннотативной (К1) семем слова 'дерево', а также родовых сем 'растение', 'многолетний', 'крепкий', 'материал' позволяет распределить этимологически родственные слова по следующим лексико-семантическим группам: 1) растение (*дуб, дерево*); 2) материал (*дерево, деревянный, древесина, древесный, дрова*); 3) относящийся к человеку (*здоровый, древний, дуб, дубина, дубовый*). Представленные лексико-семантические группы подчёркивают многозначный характер данной лексемы, отражают номинативный процесс, в основе которого лежат характерные действия человека, связанные с использованием растения в быту, в деятельности.

Таким образом, антропоцентрический подход в исследовании фитонима 'дерево' позволяет наметить пути изучения фольклорного слова на основе мифологического, фольклорного и лингвистического аспектов, обусловленных особенностями физического и психического устройства человека, его

эмоциональной сферой, духовной деятельностью, а также склонностью к символизму как особой черте русской ментальности. Мифологический аспект направлен на выявление коннотативного содержания мифологемы 'дерево', её многозначности, систематизированной понятием «символическое поле» (дерево – центр мира, мотив Мирового древа, связь земли и неба, познание, мудрость, символ рода, путь, граница реального и ирреального мира, дуализм добра и зла). Фольклорный аспект позволил выяснить функции, которые несёт символика дерева в традиции волшебной сказки (дерево – граница волшебного мира, волшебный помощник, препятствие, связь с хтонической сферой, мотив превращения, персонификация, антропоморфизм). Лингвистический аспект обозначил роль растения в жизни человека, его деятельности, а также позволил определить семантическую реконструкцию этимологически родственных слов: 'дерево', 'дуб', 'дубина', 'дрова', 'древний', 'здоровый'. Анализ фитонима 'дерево' показал, что именно язык в привычных для нас знакомых словах и формах способен передать народный опыт, знания о мире, системе ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В 3 т. – М.: Художественная литература, 1957.
2. Белякова Г. С. Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995. – 239 с.
3. Большой академический словарь современного русского языка. – Т.5. – М., СПб.: Наука, 2006. – 696 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т.1. – М.: Русский язык, 1978-1980. – 645 с.
5. Легенды. Предания. Бывальщины. – М.: Современник, 1989. – 287 с.
6. Лузина С. А. Художественные мир Дж. Р.Р. Толькена: поэтика, образность. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 183 с.
7. Мифы народов мира. В 2 т. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия. 1980. – 656 с.
8. Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. – М.: Высшая школа, 1977. – 296 с.
9. Пропп В. Я. Морфология сказки. – СПб.: Академия, 1928. – 152 с.

10. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. В 5 т. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – 704 с.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Петрухина В. Я., Агапкина Т. А. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.
13. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, вых. с 1975, вып. 4. – 404 с.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам. В 3 т. – Т. 1. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893-1912. – 1804 с.
15. Стернин И. А., Попова З. Д. Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы описания. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 176 с.
16. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: «Индрик», 1995. – 512 с.
17. Трубецкой Е. Н. «Иное царство и его искатели» в русской народной сказке [Электронный ресурс] // Литературная учеба: [philologos.narod.ru].[1990].URL: <http://philologos.narod.ru/sophia/trub.htm> (дата обращения: 30.08.2011).
18. Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 192 с.
19. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. В 2 т. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1999. – 624 с.
20. Шанский Н. М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1995. – 328 с.
21. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд /Под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, вых. с 1974. Вып. 4, 5, 1978.
22. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. Шапошников А. К. В 2 т. – Т. 1. М.: Флинта, 2010. – 708 с.